

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЯВАНОВСКОГО, И. СЕЛЯВИНСКОГО,
М. СУВОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСЬЕВИЧ.

№ 137 (453)

12 ОКТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Дневник Литературной газеты

12 ОКТЯБРЯ
Иностранцы революционные писатели, участники первого всесоюзного съезда, вернулись в Москву после месячного путешествия по республике нашего Союза.

То, что они видели на наших полях и заводах, то, что они слышали на собраниях рабочих, обучающих вместе с ними вопросы литературы, это больше убедило их, что наша страна живет одной идеей, которая одинаково дорога и близка всему трудящемуся населению. Об этом наши гости должны рассказать своим читателям.

На Украине, в Крыму, в Ростове, в Тафисе они встречали радужный привет, читательская масса принимала их как писателей родной страны, принимала так же, как родной аул национально-родинного общесоюзного родным, классово-родным — одно из великих завоеваний Октября. Об этом много говорили на съезде, это видели наши иностранные гости, где они были, и это тема наших иностранных гостей.

«Таймс», «Манчестер Гардиен», «Вейтбюне», «Тан», «Рейолини», «Прайер пресс» и др. буржуазные органы не читали статьи о съезде, но это было только уступка читателю, это свидетельствовало только о невозможности обойти молчаливо событие столь большой важности, каким был съезд. Но не от этих газет мы ждем правильной оценки и популяризации работ, проделанных съездом, а от друзей советской литературы, революционных писателей, которые в дни съезда вели напряженную работу в Колонном зале Дома Союзов. Мы уже слышим голоса этих товарищей, имена их Малро, Арагон, Гирсебеле, Невзал и др., мы уже видим специальные номера журналов, посвященные съезду. К этому присоединяется голос Жан-Ришар Бюка, Толлера, Пьяне, Оскара-Марии Графа, Альберти, Шаррера и др. товарищей, которые еще только у нас. Они рассказывают своим читателям в нашем съезде.

На Харьковском тракторном заводе Толлер основан в одном из цеховых залов своего приятеля и соратника по борьбе за советскую Баварию. Человек, борющийся за советскую власть в Баварии, человек, проливавший

свой кров на венских баррикадах в феврале, а теперь работающий на УТЗ — вот гражданин лучшего из миров. Иностранцы революционные писатели видели в нашей стране миллионы таких граждан. Литература, которая отобразит дела этих людей, будет советской литературой, независимо от того, где и на каком языке будет создаваться эта литература. Это — импульс для их работы и это — тема наших гостей.

Вышел из печати одноименный стихов Зюльда Багрицкого. В нем собраны стихи, напечатанные при жизни поэта и напечатанные для этой книги им самим. Если бы не печатный лист и не пропуск эсперанто в отделам, бывшим ранее отдельными книжками, одноименный сборник был бы признан ученым. Но в связи с его выходом возникает вопрос о том, что полное собрание сочинений Багрицкого должно быть издано без промедления. Опыт издания полного собрания сочинений В. Маяковского, издания, растянувшегося на слишком долгий срок, не должен быть повторен с сочинениями Багрицкого. Работа над его рукописями должна быть закончена как можно скорее. Читатель вправе желать узнать все стихи, написанные Багрицким. И редакционная коллегия, избранная вскоре после смерти поэта, должна удовлетворить это желание.

Багрицкий был строг к себе. Он медленно писал и тщательно отбирал для печати написанное. В полном собрании его стихов почти, им замеченные для печати, должны быть отделены от тех, которые он печатать не намеревался. Следовательно, по сравнению с вышедшим одноименным полным собранием сочинений будет отбрасываться лишь часть этого рода. Но для характеристики поэта, для серьезной работы над его творчеством, для использования его опыта молодыми поэтами полное собрание сочинений необходимо.

Будем думать, что редакционная коллегия выполнит возложенную на нее работу достаточно тщательно и в возможно короткий срок. Будем думать, что издание всех стихов Багрицкого будет сделано быстрее, чем это произошло со стихами В. Маяковского.

ОТКЛИКИ НА СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Присутствовавший на съезде советских писателей в качестве делегата Ассоциация Французских революционных писателей и артистов Вл. Познер прочел перед многочисленной аудиторией писателей, художников и представителей интеллигенции, Парижа доклад о съезде.

Сообщение докладчика о формах участия фабрик, заводов и колхозов в подготовке к съезду вызвало бурные аплодисменты аудитории. Докладчик подчеркнул, что перед любым гражданином Советского Союза открываются неограниченные возможности повышения своего культурного уровня. В связи с этим наблюдается глубочайший интерес к культуре, литературе и искусству в частности. Как пример докладчик рассказал о московском чистильщике сапог, который ежедневно читал «Литературную газету» и следил за ходом дискуссии на съезде, между тем как за рубежом Советской страны художественной литературой интересуются только узкий круг писателей и критиков.

сотнями тысяч и миллионами экземпляров, в капиталистических странах — пятидесятилетний тираж считается весьма значительным.

Далее докладчик нарисовал картину истории советской литературы и ознакомил собрание с основными решениями съезда писателей.

В Парижской «Нувель Литер» напечатана статья Вл. Познера, в которой он пишет:

«На съезде присутствовали представители 52 стран — от грузинской, которая имеет за собой 15 веков культурной истории, до якутской, в которой до 1917 года была всего одна книга. Эти литературы соприкоснулись в лоне единой советской литературы, и эта связь является более сильной, чем связь по крови или по языку».

В ближайшие дни в Париже состоится большой отчетный митинг о съезде советских писателей, на котором выступят Малро, Арагон, Познер и др.

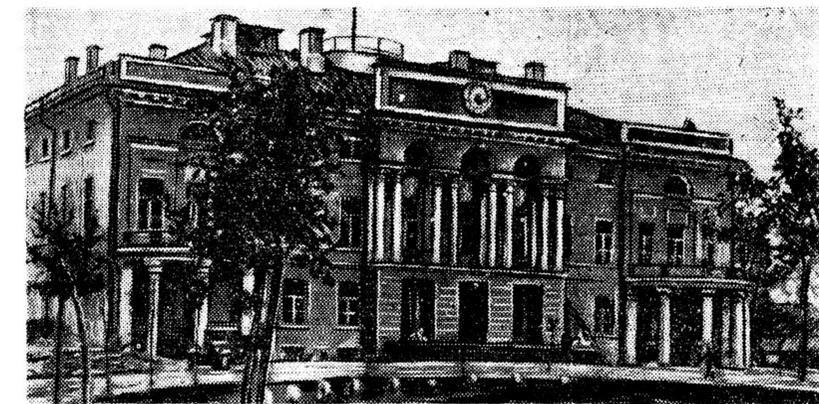
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ

По колодцам Грузии и Кабардино-Балкарии путешествовали немецкие революционные писатели. На первом съезде советских писателей они не только слышали о грандиозных победах советского пролетариата, но лучшим произведениям советских писателей они знакомились с борьбой за социалистическое переустройство страны. В немецких колодцах Кавказа, в Баку они непосредственно соприкоснулись с той новой жизнью, о которой — некоторые из них это сами признают — они имели много и превратное представление.

Писатели только что вернулись в Москву.

В издательстве «Художественная литература» только что вышел в русском переводе роман Адама Шаррера «Крыты». Сын баварского пастиуха Адам Шаррер в этом романе дает картину распада крестьянского хозяйства в послевоенной Германии, живописует борьбу немецкой деревни с валговскими учреждениями, борьбу немецкого крестьянства за землю. Шаррер провел тяжелую жизнь пролетария, бездомного бродяги. «Хотя мое детство, вспоминает он, отчетливо осталось у меня в памяти, я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь я легко и весело смеялся».

— Мы не имеем, — так начинает Шаррер изложение своих кратких впечатлений о поездке, — книг, с истеричающей глубиной раскрывающих героизм людей, которые, подчас

АКАДЕМИЯ НАУК В МОСКВЕ. НЕСКУЧНЫЙ ДВОРЕЦ, В КОТОРОМ ПОМЕЩАЕТСЯ ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ.

ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

600 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ В 1935 ГОДУ

Четыреста научно-исследовательских трудов выйдут в этом году из пера старейших издательств страны — издательств Академии наук.

В беседе с нашим сотрудником заведующий издательством П. И. Чагин подробно ознакомил его с текущей работой издательства и планом на 1935 г.

— На днях вышла к 1000-летию юбилею великого поэта Перси Фирдуси три книги: «Описание рукописей «Шах-Нам»», в девятиязычных изданиях, сборник отрывков из «Шах-Нам» и статей о Фирдуси виднейших советских востоковедов — Орбели, Самойловича, Ромаскевича, Бартеля и, наконец, «Согдийский сборник», включающий богатейшее в мире собрание памятников материальной культуры древнего Таджикистана, которые были найдены корреспондентом Академии Фрейменом в равнинных землях на горе Мун (Таджикистан).

Некоторые товарищи склонны считать, что мы работаем «под Академию», сказал П. И. Чагин. Это далеко не так. Мы ищем свой стиль в оформлении книг. И тот, кто выматывает следы за нашей продукцией, кто видел марксовский сборник и другие издания, не усомнится в правдивости моих слов.

— Кроме юбилейных изданий издательством недавно выпущен сборник «Советский фольклор». В нем помещены исследования об украинском, грузинском революционном фольклоре и другие статьи.

— В ближайшем будущем в издательстве в серии «Литературный архив» выйдет под редакцией Дольника сборник, посвященный С. М. Довлатовскому, который содержит неопубликованные варианты «Бесов» и «Вратей Карамазовых».

— В этой же серии выйдет подготовленный В. А. Десницким второй том горьковского сборника, состоящий из неопубликованных произведений М. Горького и переписки его с Чеховым, Вунниным и др. писателями.

— На очереди стоит издание горьковского сборника, содержащего неопубликованные тексты и письма Гоголя — редакция и комментарии проф. В. Гиппуса.

— Вместо предполагаемого ранее одного сборника по литературе XVIII в. издательство выпускает два. В первом из них будут даны материалы о творчестве Ломоносова и др. крупнейших писателей XVIII столетия. Второй сборник посвящается Радинцеву.

— Нет лучшего доказательства заботности и асбидности буржуазной классики о притесненных немецких крестьян в советской стране.

Адам Шаррер колон чудесных впечатлений и творческих планов. Он пишет ряд статей о жизни крестьян в Германии и о жизни немецких крестьян в СССР. Он собирается опять вернуться в немецкие колодцы Кавказа, посетить немецкую Польшу или Украину, чтобы осуществить задуманный большой роман о немецком колхозе в СССР.

Теодор Плявие больше всего поразила Баку. От этого города из всей поездки у него остались наиболее сильные впечатления, — говорит он. Писатель посетил нефтяной вуз, где детально познакомился с процессами добычи нефти и с увлечением занялся работой на нефтяных промыслах.

История Азербайджана и нефтяной промышленности, гражданская война и интервенция, политическая борьба вокруг нефти, казнь 26 комиссаров — все это дает писателю несравнимый материал для создания произведения, которому обеспечен мировой резонанс.

Теодор Плявие остается сейчас в Советском Союзе. Он намерен много и упорно работать. В первую очередь им будет закончен роман, который является по теме продолжением его знаменитого произведения «Генералы уходят, кайзер остается». Затем он предположил закончить этот на-

— В ноябре или декабре выйдет книга Академии наук писателя Владимира Ильича Ленина. Издание строится по типу марксовского сборника и содержит статьи академиков Бухарина и Кржижановского, Ромен Роллана, немецкого профессора Шахсела и др.

— В декабре же выйдут в свет том академического восьмидесятого издания сочинения Пушкина, в котором представлена драматургия поэта.

В январе 1935 г. выйдет первый том сочинений «Стихотворений латвийского периода». Всего же в 1935 г. будет издано четыре тома из собрания сочинений А. С. Пушкина.

— Начато издание 14-томного собрания сочинений Гоголя под редакцией проф. В. Гиппуса, В. А. Десницкого и Н. К. Лиханова. В будущем году издательство выпускает четыре тома произведений Гоголя и два первых тома академических изданий сочинений Греболова.

— Всего же в 1935 г. намечено издать 600 названий, общим объемом в 25 млн. страниц, т. е. на 10 млн. больше, чем в 1934 г. Сюда войдут архивы Венгера, братьев Тургенцевых, Михайловского, Раевского, Кохельбекера, материалы Вяземского, сочинения Чапаева. Кроме этого выпустятся три тома сочинений А. П. Веселовского («История легенды», первый выпуск истории русской литературы и первый выпуск иконографии русских писателей), монография о Некрасове и его времени, сборник трудов отдела древней литературы и академическое издание пьес А. П. Чехова.

В порядке подготовки к 100-летию смерти Пушкина издательство намечает выпуск «Временников пушкинской комиссии», в которых будут публиковаться новейшие исследования советского пушкиноведения.

— Всего по отелу русской литературы и литературоведению предполагается издать 25 книг в тираже от 1 до 25 тыс. экз. Но некоторые сборники, например, горьковские, выйдут в 30 тысячах экземпляров.

— Столько же названий предполагается выпустить по отелу этнографии и этнографии. Главнейшими изданиями раздела являются новый перевод «Древнего общества» Морган и архив Морган, сборник статей по фольклору под редакцией Азаволова «Негидальский фольклор», «Былины Северного края» Астаховой, «Альбом по искусству народов Сибири», «Новые и редкие скачковые сюжеты» Никифорова. Под редакцией

Жирмунского выйдет «Фольклор немецких колонистов СССР».

— К 50-летию годовщины со дня выхода в свет книги Энгельса «Происхождение семьи и частной собственности» издается сокращенный сборник статей академиков и крупнейших ученых.

— Среди намеченных к выпуску в 1935 г. трудов Института востоковедения Академии наук большой интерес представляют книги Бартеля «Материалы по истории персидской философии» и «Персидская поэзия в Бухаре», «Материалы по истории Кавказа» Дондуа, «Материалы по монгольской литературе» Поппе, работа Жамуарового «Образцы народных сказочностей в Монголии» и др.

— Институтом истории науки и техники готовится к печати 20 работ. Из них должны быть отмечены «Тексты Демокрита» под редакцией С. Я. Лурье, «Тексты Бикура» (редактор и комментатор И. А. Боричевский) и первый том переписки Ломоносова.

— С будущего года начинается издание полного собрания сочинения Акад. И. П. Павлова. Сейчас И. П. Павлов заново просматривает и редактирует первые два тома, которые выйдут в 1935 г.

Иностранную литературу советскому читателю

ПЛАН 1935 ГОДА

Беседа с главным редактором Гослитиздата И. К. Луполом

Вся продукция нашего предшественника — ГИХЛ — за 1934 г. оценивается примерно 100 млн. листов отпечатков. Из них на долю литературы переводной приходится не более 5-6 млн. Гослитиздат предполагает выпустить в 1935 г. не менее 24 млн. листов отпечатков современной иностранной литературы, — увеличение почти в пять раз.

В первую голову, разумеется, интересуют нас либо писатели, стоящие на революционных позициях, либо писатели, к этим позициям приближающиеся, но при этом мы будем помнить о требованиях высокого литературного качества.

Как известно, немало представителей зарубежной интеллигенции под влиянием кризиса начинают обращать свои взоры к коммунизму, к Советскому Союзу. Привлекательна в этой группе писатели далеко не все, поэтому мы будем выбирать тех, кто делает только первые шаги к нам, тем же более мы будем извлекать их довольно широко.

Наконец, мы не отказываемся и от издания тех иностранных писателей, которые, будучи враждебны нам по волеизъявлению, являются все же крупными мастерами художественного слова. Но последние обстоятельства не должны мешать нам в их произведении как-то элементов объективной действительности, правдивой картины зарубежного мира. Так враг сам себя разоблачает.

Мы значительно расширяем сферу своей деятельности в смысле охвата большого количества национальных литератур.

Вот некоторые конкретные черты плана, который должен будет реализовывать издательство здесь положивая.

С немецкого мы переводим роман Фаллады «Кто одолжит отдаленной полюбил». Политическая позиция автора весьма любопытна, но роман представляет значительную художественную ценность. Мы издадим, далее, «Маленький человек в форме Тура» — произведение, правдиво показывающее методы, которыми фашисты дедологически обманывают мелкую буржуазию. Затем идет: «Под перекрестком огнем» Рейгера — роман на остром политическом материале Саарской области; «Возвращение Оскара-Марии Графа, рисующего политический край социал-демократии в Германии и Австрии»; «Юность в Германии» Эрнста Толлера, вещь, в которой мера автобиографичности; его же вещь «Стоп, машина»; новый роман Вейснера из жизни германских рабочих накануне гитлеровского переворота; «Дует восточный ветер» — последний представитель о вышедшей в Германии Фольквангера; — роман, изданный уже советскому читателю в отрывках; «Исчезнувшие» Брелера, описывающий концентрационный лагерь при Гитлере. Кроме того мы думаем перевести роман Арнольда Цейтца «Сержант Греша».

В группе французских писателей первым идет Анри Барбюс, представленный тремя книжками: романом «Огонь», замечательным для переводчика названием, романом, представляющим реализацию известного замечания Горького: «Сколько интереснее было бы описать один день различных стран, городов, классов, людей»; и, наконец, романом о Сталине, которого, естественно, с огромным интересом ждет советская общественность. Также массовым тиражом издаем мы новеллы Кутюрре. Арагона мы издаем две книги, одна из которых — стихи. Переводим «Путешествие на край ночи» Селива и двенадцать Жюль, последние в новом переводе. Жан-Ришар Бюка мы издаем сборник новелл, а также роман «Я компания»; Низиана — новый роман; Жюно — «Песнь мира».

Из произведений американских писателей мы издаем «Тени впереди» Роллана. Это один из лучших революционных американских романов, посвященный стачке текстильщиц 1929 г. Далее — новый роман Дюпассоса, «И встанет солнце» Хемингуэя, «Огниво» Пард Вак и роман Майка Годла о безработице.

Англия будет представлена несколькими близкими нам на русском языке романом Фелсуори «Черя реку», романом Фелсуори «Гнездо простых людей» и «Детские жалости» Марвина Стоттона, рисующими положение мелкого английского фермера.

Из произведений японских писателей нами выбран роман Ахиро Карентенра «Юке Ябу», написанный на новом для нас материале (жизнь негров на сахарных плантациях Кубы) и «Пушина» Явиро.

В Дании, естественно, привлечем наше внимание Мартин Алдерсон-Неске, мы издаем «Пелле завоеватель», а также «Два мира».

Греческая литература будет представлена любимейшей книгой современного греческого поэта Коста Варналис «Подлинная «Аполлония» Сократа».

Итальянская литература — книга Коррадо Альваро Карло Бернар и Элла Витторини.

Китайская — Эми Сю и двумя книжками присутствовавшей на съезде писательницы Ху-Лян-Чи. Особый интерес для советского читателя представляет ее повесть об участии женщин в китайской красной армии.

Для того чтобы дать нашему читателю представление о турецкой и чехо-словацкой литературе, мы решили издать антологии.

Имея ленинградское отделение будем продолжать принимать от слывшихся из нас «Времена» серьезные издания. Оно выпустит за год четыре тома Роллана, два тома Пруста, три тома Шарля-Луи Филиппа, а также «Город Анастоль» Келлермана.

Было бы весьма желательно, чтобы литературная общественность, приняв участие в обсуждении нашего плана, помогла нам точно установить действительно те книги, которые в первую очередь достойны внимания советского читателя.

Спасите Человечество

ВИКТОР МАРГЕРИТ В СВОЕМ НОВОМ РОМАНЕ «ВАВИЛОН (ЗАВЫЛ) ДАЕТ РЕЗКОМУ КРИТИКУ ПРАВДУ О ВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. БЫТИЯ НЕДАВНИХ ДНЕЙ В ЧАСТИ СЕНСАЦИОННОЕ УБИЙСТВО ДИРЕКТОРА МОЗГИ-ХОЛЛА. РОМАН В ПЕЛОМ НАПРАВЛЕН ПРОТИВ ВОЙНЫ. В ОНОМ СМЫСЛЕ НАПИСАНО И ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К КНИЖЕ, НЕ ЛИШЕНННО, ОДНАКО, РЯДА СПОРНЫХ И НЕВЕРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ.

Мог ли я дать этому роману другое название? Видя сознательные усилия Лиги наций, видя панику в мозгах и смешение языков современных лидеров, спешащих легендарному лидеру Ветхоу завета, как мог я не подумать о той незаноченной башне, которая должна была достать до неба? О проклятии «Бенго», О расейнии рас по лицу всей землицы (книга Моисея «Бытие», 11)... Как могут не возникнуть в представлении те невидимые силы, еще более подзёрывательные и кровожадные, чем библиейный бог, которые царят как в Женеве, так и на протяжении большей части земного шара? Эта книга представляет собой неполную, конечно, картину того хаоса, в который нас бросили современные боги, картину наших нравов. Здесь уделена роль истории. Указан путь к освобождению. Да, мне надо было освободиться от того нравственного яда, который затеял мне видение «Роман» и который я хочу написать. Невозможно, чтобы неизвестность, маразм, мучения и, в особенности, огромный страх, который давит на мозги, прошли даром в этой нашей жизни, подобной холостому выстрелу. Я думаю, что эта форма капитализма, при которой несколько акул обдирают, гложут все народы, должны исчезнуть. С ней исчезнет ее следствие: война. Но прежде надо воспринять ответственность, чтобы все это не вернулось. Иначе, где же будет блеск Франции?

Против этой угрозы мы должны соединить наши усилия. Я хорошо знаю, что если бы все умело было свободны, воздух уже давно стал бы снова чистым, жизнь приобрела бы смысл. Увы, люди находят под гнетом необходимости кормить зверя вместо того, чтобы культивировать разум. Отсюда все рабство, все компромиссы, все унижения.

Война? Это банкротство сердца, науки, совести. Это варье стотства и неизвестности... Неужели народы могли уже забыть баланс последней войны: 74 миллиона мобилизованных, 10 миллионов убитых, 10 миллионов раненых, 10 миллионов больных, 7 милли-

онов пленных, 3 миллиона пропавших без вести? Не говоря уже о 5 миллионах вдов, 9 миллионах сирот, 10 миллионах беженцев и, наконец, о 10000 миллиардах затраченных на эту «спасную» операцию...

И если мы вспомним все это, сможем ли мы согласиться на новые жертвы, которые будут еще ужаснее? На этот раз исчезнет наша цивилизация, и все знания, вера, великодушные, героизм окажутся затраченными впустую.

Здесь еще раз я обращаюсь к женщинам. Вы думаете, о творительнице жизни, что вы существуете на земле только для того, чтобы быть хозяйками или орудиими наслаждения? Вы думаете, что вы действительно выполняете свою роль, если вы до самой старости занимаетесь любовью и деторождением?

Как вы можете мириться с тем, что мужчины одни управляют государством? С тем, что один хитрый бездельник, сидящий между тем как в своем хозяйстве во многих случаях они потерпели бы крах, если бы не ваша экономия и ваше искусство? С тем, наконец, что, обанкротившись, они затевают бойню?

Многие из вас — служанки старой схоластики, смеют еще поубавить их дратья до конца, т. е. до смерти. Вы смотрите глазами тела, а души оставляете во мраке. Пока вы будете самками, имеющими только живот, вы будете рвать лишь жалких баранов или волков.

Как вы, о матери, не поняли еще того, что ваша задача в будущем — купить жизнь? Как вы не чувствуете, что все люди — ваши дети и что вы должны настаивать их, вести их, защищать их, в частности от убийственного компетентного преступления: большевик, воспламеняемого, превозносимого родной?

Да, в этом ваша миссия, и вы никогда не выполняли.

Благодаря вашему безразличию ко всем насущным проблемам существования, повсюду вновь подготавливают колоссальную бойню. Тогда как за Рейном народ с гитлеровским гимном раздается старый пангерманский гимн «Deutschland, Deutschland über alles», в Париже мы уже слышим

Виктор Маргерит

как в 1931 г., вечернюю зорю, которую играют на могиле неизвестного солдата, смуглые мертвые, «Марсельезу»: «О оружие, граждане... Зараза переходит от больших держав к маленьким. Национализм ведет свою игру. Тем временем Курносая точит косяк.

Почему я умоляю вас тех, кто способен слушать, выслушать меня. Женщины всех стран, соединитесь! Организуйте митинги, добейтесь того, чтобы власти восторжествовали, чтобы все государства взяли на себя обязательство никогда больше не разрешать своих споров оружием.

Внушите уважение к человеческой личности. Спасите человечество, так как это вы производите людей на свет. Иначе, говорю вам, все погибло.

О, если в силу покорности судьбе, сползая, отращивая поля, готовы оставить все так, как есть, я примываю к мировому возмущению. Не вправо ли человек, гордый своим именем, которое означает для него прогресс, свет разума, употребить все средства на то, чтобы попытаться спасти человечество?

Путем лишения прав тех, кто ответствен за прошлую войну и за ненадежный мир, путем коренного изменения социального строя, путем материального и морального разрушения, путем франко-германского соглашения, может быть, есть возможность, мы вернем Франции ее настоящее лицо, европейской молодежи — возможность работать, способность верить, силу любить. Скажем — радость жизни, которой у нее больше нет.

Анатоль Франс "Коринфская свадьба"

(Отрывок из поэмы)

В ПОЭМЕ «КОРИНФСКАЯ СВАДЬБА», ИЗДАННОЙ В 1876 г. А. ФРАНС ВОССОЗДАЕТ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИСУЕТ БОРЬБУ МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСКИМ И ХРИСТИАНСКИМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ. ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ МЕРТВЯЧЕЙ ДОГМЫ И АСКЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА ХРИСТИАНСТВА. ПЕЧАТАЕМЫЙ ОТРЫВОК НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОВЛЕЧЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.

Капписта: В двадцать четыре дня, коль снова погибла,
Воспряну силами, как добрый раба я,
То будет знак, господи, что дочь тебе мила.
Ведь веру с молотком она воскричала,
Льня доны через год опять выльются околом,
Нелегкой пред твоим оком предстанет околом,
От мира скрыл кино за покрывалом дива,
В знак брака вечного кольцо твое надел.
Дафа (из колена): О, мать, не связывай себя таким обетом
В сияньи и слезах молю тебя об этом.
Ведь он неспокоен, жестокий твой обет,
Он смывает путями нечестивых бел.
От клятвы откажись, неосторожно данной,
Чтоб нашей гибелью не искупил обман,
О, вспомни, вспомни ты, ведь клятву я дала,
Когда перед отцом супруга избрала.
Не допускай же, мать, чтоб мстительные тени
Мне жизнь испортят средь вечных угрызений.
Вот перстень верности моей избраннику, — взгляни:
Должна адалому отдать я смылу дни.
Мне Гиния, я кланяюсь, один развратец поет.
Капписта: Будь с богом, о земных делах не беспокоясь.
Дафа: Мелко ты любишь?
Капписта: Да, но в боге.
Дафа: Затаила

Обета твоего простергаю меня,
О мать, осомбди от ужаса и гнета.
Я жить хочу, дышать! Сорви с меня тегета.
Послушай, женху лишь только вот сейчас
Под чистым небом я вторично поклялся
К нему супругом в чертог явиться брачный. —
Не то улягу навек с Хароном в барке мрачной.
О, скажись надо мной, о вспомни, как и ты
Благоуханные делала метки!
Капписта: Мирская суета давно забыта мной,
Льня господу любовь пылаясь волною
Возносит к радости покорные сердца,
В жизнь бесконечную выльется без конца,
Но если так нужна тебе любовь мужичья,
Пытай, старания, в любовные дурничья,
Обет же мой навек был дан. Никто жной
Теперь не может стать между Христом и мной.
Дафа: Так, значит, конечно, и крепко держат сети!
Капписта: Да, слово сказано, но пусть одна в ответе
Я буду, господи, коль дочь забыла доет
И гого совети навеки в ней умолю.
Не сокрушай, господи, ее своею карой!
Пусть гнев одной моей главы коснется старей,
Одна в ответе я — и дьявольским стадом,
Посреду рыцарства, одна себя преддам.
Да буду проклята и в том, и в этом мире,
Да не приду навек вкушать на божьем пире.
Пускай отстранена от всех христовых дел,
В изгнания дольну жестокой своей уде,
И слава исхопине не обретут глупичья,
И жаркие уста развратца не молчат!
Когда ж от ужаса бессонного без сна
Приду на кладбище, пусть из святых могил
Стенания праведных меня погонят мимо
И чернокрылые ночные серафимы
Своя крыла свои злобеще помчат,
Извергнув на меня проклятия серый чад.
Пусть без наутствия навек уде из мира,
И погребут меня без масла и без мирра,
И пусть навек за мной закроется черны ад,
И в смольной поток мне душу погрузат.
Они уже летят. Вот ангелы расплака!
Смотри, как ружь их и цепки и коматы!
Схватили Жизнь свою и душу загуба,
Я умираю, дочь, я гибну за тебя!

Рабыня Фригия (на коленях): Ушла замертво, Не слышно
стопа даже.

Опомнись, госпожа!
Снести ее сейчас же
В посылках к нам домой. Смотрите, как бедна!
О горе, дочерья загубена она.
Дафа: Пусть принесут кольцо, одежды и венеч,
Бери насильный дар, завистливый творец!
Опомнись, мать, обет я твой исполню, чтоб
Опять вернулась жизнь на поблдевшая лоб.
(Рабыня уносит Калдисту).
Дафа: Вот, Гиния, ты лишишь своей невесты милой,
И вачный союз судьба развела.
Не возвращайся же! Вель трижды несчастлив
Ты стал, меня вбрав и крепко полюбив.
О звезды, спугайте ему путь вы сами!
Вы, ветры, что в морях поет меж парусами,
Коль только есть у вас разумная душа,
Вы в сужах ринетесь, за кораблем спеша,
И шпонтами вы настинете своими
Того, что навегда должна забыть я кля,
И если он усуд, мечтай обо мне,
Вы тихо образ мой из памяти во сне
Развейте у него, чтоб он не знал страданий
Пускай забудет он меня! Среди скитаний
Пусть радостный отголосок встретит по пути,
Где деву суждено ему себе найти
Счастливей меня, но только не нежнее.
Ах, если бы и мле...
(Далекий хор юношей похитил эпиталаму).
Дафа: Зачем же песен шум и шум шагов затих?
Так, значит, уж за мной друзей не шлет жених!
А ведь мой любовь в счастливые палаты
Нелегкой амброзии струила б вратах.
Ты, Гиния, думавшь, чужды ты жена
Нелегкой приваза и более верна?
Ночная тишина и холод, я безделье...
Нет, больше от людей не жду чего-нибудь я!
О людю! Восторг любви изведаль, говорат,
В тебе счастливых нифф неписаный ряд.
Я с детства чту тебя, о ключ мой заповедный!
Принял же последний дар от христианки белой!
Родник! Кольцо с руки моей на самом дне
В надежной сохраня и хладной глубине.
Прощай, кольцо любви, и ставь кольцом радужки!
(Врывает кольцо и идет к храму).
Ликую, печальный бог, ведь ты так любишь муки!
Пер. ВАЛЕНТИНЫ ДЫННИК.

УТЕШИТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

АНАТОЛЬ ФРАНС

Баронесса де Боммон собрала у себя в этот день в пять часов несколько человек из светского общества с тем, чтобы учредить новую благотворительную организацию. В собрании участвовали добрая мадам Орта, Жозеф, Лакрисс, маленький барон и несколько выдающихся членов из бывших роллистических комитетов, как например, Анри Леон, молодой Гостав и этот блестящий Полэн Лимже, офицер территориальных войск и адвокат при Апелляционном суде, тот самый, который, вы-

ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ К «АБАТУ КУАНЬЯНУ» А. ФРАНСА. РАБОТА ХУД. В. ФАВОРСКОГО.

ступаая в качестве защитника членов конгрегации, во время маневров, надел свое адвокатское платье прямо на мундир артиллерийского лейтенанта перед ослепленным взором председателя Куакто.

Эти господа больше не были заговорщиками. Не потому, чтобы Верховный суд навел на них страх. Отдыхая они лишь подражали своему королю, и ожидали лучших дней. Даже сам Жозеф Лакрисс принял идею ласковой деятельности.

Решили, что благотворительная организация, основанная под покровительством баронессы де Боммон, не будет иметь никакого политического характера и будет открыта для всех благомыслящих. Одним из защитников Дрейфуса будут исключены отсюда, как недостойные. Жозеф Лакрисс в начале заседания публично провозгласил:

— Все честные убеждения будут здесь представлены!
Полэн Лимже красноречиво изложил доводы в пользу благотворительной деятельности. Надо было что-нибудь сделать для несчастных и не предоставлять социалистам монополии в том, что они называют солидарностью и что мы называем более прекрасным именем — милосердием.

Нельзя отрицать, — сказал он, — что у бедных есть склонность помогать еще более бедным, чем они. Не надо этому удивляться. В сущности, нет ничего естественней. Бедняк обращает себя без каких-либо то им было последствие. Когда живешь на ежедневный заработок, тогда поступить с чем-нибудь — это не изменить общего положения. Бедняки не предусмотрительны. И к чему бы им это послушью? Богачи же, напротив, принуждены действовать со всей осмотрительностью. Девять, когда трудный и постоянный деликатный вопрос. Исполнить что-то из бюджета, который расписан со всем знанием дела, в котором даже непредвиденные доходы имеют предусмотренное применение, расстранивать какую-либо часть такого хорошо взвешенного бюджета — это целое искусство, и искусство трудное. Чем больше имеет денег, тем больше приходится рассчитывать.

— Это правда! — вздохнула баронесса.
— Прибавьте к этому, что как только встает вопрос о благотворительности, богатый человек сталкивается с самыми опасными проблемами. Он с беспощадностью спрашивает себя, может ли он опровергнуть своим сердечным влечением, должен ли он уступать порывам жалости, одним словом, имеет ли он право оказывать помощь. Право, обратите внимание. Было бы слишком жестоким его отрицать. Но в каких границах, при каких условиях дозволено его осуществлять? Вопрос сложный. Всякая благотворительность это очень деликатный вопрос совести. Ибо, в конце концов, богатый человек обязан дать отчет о своем состоянии в самом широком смысле этого слова, своим детям, своей семье, своей нации, религии, обществу, принципам. Его деньги — это власть, которую он не должен ни ослаблять, ни возмущать. И вот, спрашивая себя с такою же осторожностью, как в каких размерах, как, кому надо помогать? И тем не менее

— Одна из глав романа «Господин Бергеро в Париже», не вошедшая в окончательный текст. На русском языке печатается впервые.

наше высшее общество так милосердно, что несмотря на все трудности, в его лоне благотворительные организации все умножаются и процветают. Богатые люди жертвуют очень щедро, хотя, если вдуматься, самое простое экономическое соображение должно бы их избавить от этих пожертвований. Это соображение заключается в том, что они и так делают добро, потому что их расходы представляют собой наилучшую милостыню. Вы не покупаете шляпки, сударины, не сотворив доброго дела. Всякий раз, как вы заказываете платье, лучше экономисты вам скажут, что роскошь это самый действенный из всех видов милосердия. Когда вы платите своему портному, вы приводите в обращение ваши деньги без боязни, что они пойдут на социализм, на революцию.

— Это еще неизвестно! — воскликнул маленький барон. — Я был знаком в полку с сыном одного большого портного. Элегантные женщины вызывали в нем отвращение. Он жил вместе с рабочими. Он был анархистом. И притом это умица, художественная натура, музыкант: он сочинил оперу «Красный лебедь», произведенную в свободном духе. Да, он был своеобразен, этот маленький портняжка.

— Это аномалия, — сказал Полэн Лимже и вернулся к нити своей речи: — Мы помогаем потому, что мы христиане, мы помогаем потому, что мы сострадательны. Но мы хотим давать со смыслом, разумно. Вот с этой целью мы и организуем ОБЩЕСТВО СОРЕВНОВАНИЙ.

Сегодня я ограничусь только тем, что укажу вам основные черты этой организации. Мы будем стремиться дисциплинировать нищету и регулировать пауперизм. С этой целью мы разделим наших бедных на категории. Каждая категория будет состоять из пятидесяти человек. Бедняки, которые обнаружат наибольшее почтение

к религии и к обществу и докажут, что обладают духом предусмотрительности и бережливости, будут назначаться на годичный срок начальными категориями. Будут сообщать нам о наиболее достойных и в общем быть членами в роде низшего командования.

В смутные дни, которые последуют за Международной выставкой, эти бедняки, прочно размещенные в надзорах, будут могущественнейшим помощниками капиталистического общества. Пауперизм будет приведен в порядок. Это уже не будет отвратительной вещью — толпой. Это будет прекрасной вещью — армией. Вот в чем главный характер нашей организации.

ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ К «АБАТУ КУАНЬЯНУ» А. ФРАНСА. РАБОТА ХУД. В. ФАВОРСКОГО.

Полэн Лимже закончил свою речь под восхищенный шепот аудитории. — Я полагаю, — сказал Жозеф Лакрисс, что мы все согласны с принципом. — Ваш принцип — милостивый, — сказал маленький барон протестом. — Ваши милостивые хромоножки, убогие и кособочие никуда не будут годиться, даже на то, чтобы кричать: «Да здравствует король!». Десять тысяч нищих не стоят и полусотни тысяч грузчиков, которые в дни восстановления будут обходиться по пять су с головы. — Но, Эрнест, речь идет о благотворительности, — сказала баронесса. — Прекрасно! — отвечал маленький барон. — Ну вот, я вам предлагаю открыть благотворительный бар. Мадам Орта испустила крик ужаса. — Бар! Бар! — ответил сполнонь молодой Боммон, — большой бар. Некоторые стали обвинять Боммона в отсутствии серьезности. — Выслушайте мой проект раньше, чем его ругать. Это будет очень шикарный бар. За стойкой будут торговать светские женщины. Это привлечет дураков. Будет куча народу. Лакрисс возразил, что это сумасшедшая мысль: — Светские женщины не могут ежедневно проводить время за стойкой. — Ну, что же, — сказал Боммон, — они будут приходить по пятницам. По скромным дням баром будут завлекать известные кокетки. Мама права: ведь надо же что-нибудь сделать для бедных. Мы с Делмонном организуем благотворительный бар. В день торжественного открытия герцогиня будет готовить котляйки. Тогда выступил Анри Леон: — Я вижу с сожалением, господа, что вы остаетесь во власти старых формул. — Не скажите, Леон, я все-таки думаю, что благотворительный бар... — Я говорю не о вашей организации, мой дорогой Боммон; но когда я слушал вашего друга Полэна Лимже, мне все казалось, что я читаю статью Максима дю Кан о благотворительном механизме Парижа.

Все это было прекрасно, изумительно, но старомодное! Это Наллеон III, Милосердие в иррипоине. Ваше Общество соревнования не достигнет цели, которую вы себе ставите. Ибо мы все согласны относительно цели. Спор идет только о средствах. Вы хотите дать немного денег, чтобы сохранить все остальное. Так вот, предоставьте нищим и убогим вынуть деньги сами и устранивайте организацию для рабочих. Вынайте народу под видом социализма мысль о благотворительности частной собственности и убедите страдающих в том, что страдание прекрасно.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Полэн Лимже закончил свою речь под восхищенный шепот аудитории. — Я полагаю, — сказал Жозеф Лакрисс, что мы все согласны с принципом. — Ваш принцип — милостивый, — сказал маленький барон протестом. — Ваши милостивые хромоножки, убогие и кособочие никуда не будут годиться, даже на то, чтобы кричать: «Да здравствует король!». Десять тысяч нищих не стоят и полусотни тысяч грузчиков, которые в дни восстановления будут обходиться по пять су с головы. — Но, Эрнест, речь идет о благотворительности, — сказала баронесса. — Прекрасно! — отвечал маленький барон. — Ну вот, я вам предлагаю открыть благотворительный бар. Мадам Орта испустила крик ужаса. — Бар! Бар! — ответил сполнонь молодой Боммон, — большой бар. Некоторые стали обвинять Боммона в отсутствии серьезности. — Выслушайте мой проект раньше, чем его ругать. Это будет очень шикарный бар. За стойкой будут торговать светские женщины. Это привлечет дураков. Будет куча народу. Лакрисс возразил, что это сумасшедшая мысль: — Светские женщины не могут ежедневно проводить время за стойкой. — Ну, что же, — сказал Боммон, — они будут приходить по пятницам. По скромным дням баром будут завлекать известные кокетки. Мама права: ведь надо же что-нибудь сделать для бедных. Мы с Делмонном организуем благотворительный бар. В день торжественного открытия герцогиня будет готовить котляйки. Тогда выступил Анри Леон: — Я вижу с сожалением, господа, что вы остаетесь во власти старых формул. — Не скажите, Леон, я все-таки думаю, что благотворительный бар... — Я говорю не о вашей организации, мой дорогой Боммон; но когда я слушал вашего друга Полэна Лимже, мне все казалось, что я читаю статью Максима дю Кан о благотворительном механизме Парижа.

Все это было прекрасно, изумительно, но старомодное! Это Наллеон III, Милосердие в иррипоине. Ваше Общество соревнования не достигнет цели, которую вы себе ставите. Ибо мы все согласны относительно цели. Спор идет только о средствах. Вы хотите дать немного денег, чтобы сохранить все остальное. Так вот, предоставьте нищим и убогим вынуть деньги сами и устранивайте организацию для рабочих. Вынайте народу под видом социализма мысль о благотворительности частной собственности и убедите страдающих в том, что страдание прекрасно.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Идите и учитесь! Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции везде организованы народные университеты, в которых отвлеченные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства для освобождения пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывая повсюду другие университеты, чтобы наставлять народ в невежество, обучать его чувству отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Применяя же за делом! Будем жить по всему свету доброе дело! Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов. Народным университетам противопоставим свои университеты. Для наших я тоже нашел хорошее название. — Какое? — Народные университеты! — Пер. Т. ВАЛЕН.

Гавюрка к Рренкебилло работы худ. Габриэля Бено. Из иллюстрированного французского издания «Oeuvres complètes illustrées de Anatole France».

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС В РИМЕ

РИМ, 9. — На открытии вчера международного театрального конгресса присутствовали видные представители западно-европейского театра, среди них Жюль Ромен, Гордон Крег, Метерлинк, Пиранделло, Мариетти и др. На конгрессе прибыла также делегация Советского союза в составе тт. Таирова и Амаглоблии. Советская делегация находится в центре внимания конгресса. Сегодня на первом заседании при обсуждении вопроса о кризисе театра в связи с конкурентной кино и радио выступил с огромным успехом Таиров. Он указал, что русский театр до революции тоже переживал кризис, но после Октябрьской революции он возвратился к полнокровной жизни. Ярчайшим кризисом театра на Западе, — заявил Таиров, — надо считать не кино и не радио, а в том, что театр вытеснен и идейно потерян народными массами. В Советском союзе кино и радио не создают никакой конкуренции театру, а наоборот, они помогают ему, подготавливая для него зрителя; поэтому кино и радио, распространяясь радио и полны театры. Советская делегация представила конгрессу два доклада: Амаглоблии «О творческих путях советского театра» и Таирова «Театр и революция».

3 А Р У Б Е Ж О М

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

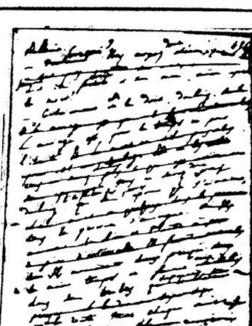
Во Франции приступили к изданию Новой французской энциклопедии. Энциклопедия, по мысли ее издателя, должна состоять из 18 томов по 500 страниц в каждом. Для ведения и управления всей работой по составлению энциклопедии образован комитет во главе с эрэф. Ляблен. Энциклопедия предполагает быть «аполитичной». Задача, которую ставит себе ее руководитель: «Выдающиеся на первом плане человека и культуры его земного существования». В книге выданы следующие принципы: «Репортерская работа — всего-навсего «объект», обусловленный приложением. Репортер должен интересоваться только тем, чего хочет редакция газеты». Он не должен думать, а только копировать. Репортер должен быть поворотливый и рессивный, уметь достать то, что требуется, ибо «все радио, что солдат, всаживающий штык в бранко врагу».

РЕПОРТЕРУ ДУМАТЬ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ

В Лондонском издательстве «Джон Лейн» вышла книга «Всему за новостями». В этой книге ряд крупных лондонских журналистов рассказывает некоторые эпизоды из своей репортерско-журналистской практики. Эта книга интересна в том отношении, что дает некоторые представления о тех условиях, в которых приходится работать репортеру-журналисту в капиталистической стране. В книге выданы следующие принципы: «Репортерская работа — всего-навсего «объект», обусловленный приложением. Репортер должен интересоваться только тем, чего хочет редакция газеты». Он не должен думать, а только копировать. Репортер должен быть поворотливый и рессивный, уметь достать то, что требуется, ибо «все радио, что солдат, всаживающий штык в бранко врагу».

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРУСТЕ

Во Флоренции в издании «Новосима» выдана книга Лоренцо Маринини, посвященная исследованию жизни и творчества Марселя Пруста. В книге собран богатый материал для составления психологического, эстетического и морального портрета Пруста.

Страница из рукописи романа Анатоль Франса «Красная шляпка». Фотография писателя, хранящегося в Национальной библиотеке Парижа.

ЖАН-РИШАР БЛОК

АНАТОЛЬ ФРАНС

К 10-летию со дня смерти

Литературные ценности подтверждены тем же законом, что и деньги. Это ценности, основанные на объективном доверии. Поскольку они существуют в странах, пребывающих в состоянии экономической автаркии, они могут обладать различными курсами на внутреннем и внешнем рынках. Французскому путешественнику также поучительно наблюдать изменение литературных ценностей своей страны в зависимости от границ. На литературном фронте, как и на финансовом, существуют внутренние курсы и «валюта». Анатоль Франс и Мопассан вне Франции котировались значительно выше, чем в ее пределах. Судьба каждого из этих авторов должна быть изучена особо. Сегодня остановимся на Франсе. Существуют две стороны проблемы — идеологическая и формальная. Анатоль Франс — своеобразный мелкобуржуазный гуманист и либерал. Его появление на литературном поприще ознаменовалось ожесточенными нападениями на графоманию. Он выступил как чистый «формалист», наследник великих и малых мастеров XVIII века. Он искал убежища в уместности, в архаическом обществе, которое он жеманно, влюбленно и фальшиво изображал в виде пасторала в ла Ватто, симфонии а ла Жан-

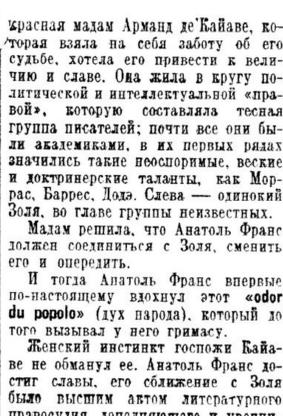
рашири. Конечно, ему пришлось бы так или иначе провести несколько месяцев в Бастия, по хорошему маркизу и красоти-фермерши посещали бы его выжужженную камеру. Поль Валери продолжает во Франце в наши дни традицию этих изысканных умов, огорченных невозможностью играть в либералов и сохраняя при этом известный деспотизм приобретателей искусств. Это содержание Валери выразил в статье, которую я рассматриваю как истинное постижение его духа, в статье — предисловии к переизданию «Перенесших писем» Монтескье (статья перепечатана во втором томе «Variétés»). Эти страницы имеют такое же отношение к Анатоль Франсу, как и к Валери. Во Франсе написан роман «Юнг жаждал», который является лучшим французским романом о революции 1789 г. Другими словами, он пролегал путь от предреволюции к революции, от противника Золя — Золя. Что же заставило его переосмыслить этот рубин? Его любовь к любви и то влияние, которое в силу этого оказала на него женщина. Это не лишает его обаяния. Когда разразилось дело Дрейфуса, Анатоль Франс принял участие к числу писателей-архантов и либералов, лучших умов реакции. Пре-

красная мадам Арманда де Кабайе, которая выдала на себя заботу об его судьбе, хотела его привести к величию и славе. Она жила в кругу политической и интеллектуальной «справки», которую составляла тесная группа писателей; почти все они были адептами, в их первых рядах значились такие поспорные, веские и доктринерские таланты, как Моррас, Баррес, Додэ. Слева — охотник Золя, во главе группы неизвестных. Мадам решила, что Анатоль Франс должен соединиться с Золя, сменить его и опередить. И тогда Анатоль Франс впервые по-настоящему взошел этот «дождь дождя» (дух парода), который до того вызывал у него тремору. Женский инстинкт госпожи Кабайе не обманул ее. Анатоль Франс достиг славы, его приближение к Золя было высшим актом литературного правосудия, дополняющего и увенчи-

вана, она произвела впечатление великого открытия. Вспомним, что А. Франс ничего не понимал в марксизме и остался до конца смутной великим «девом буржуа». Искусство выразительности никогда его не покидало; он говорил о генералах империалистических армий: «Птичьих мозги в черепе быков!» Отсюда мы приходим ко второй стороне проблемы — литературной технике Анатоль Франса. Проблема, которую ставил перед собой писатель, формулируется так: Знать, что говорить и как говорить. Первое из этих двух требований часто более легко осуществить, особенно в стране социальной молодости и культурного погрома, в СССР. Второе требование имеет смысл обратный первому. Существует множество члсм вещей, достойных описания, число способов их изображения. Эскизность — художественный принцип искусства эпохи упадка. Литературная эпоха умеет украшать цветом свою агонию. Такую эпоху в эллинистическом средневековом мире. Все великие школы японской живописи великие мастера, а закончили они агонию. Никто не знает своего ремесла лучше, чем агитон, совершенство прираме лучше всего заметно в их произведениях. А. Франс типичен для буржуазной эпохи упадка, так же, как Жанке и Буте для упадка феодализма. И те и другие не имеют равных в искусстве очень хорошо рассказывать о немногих вещах. Мазон кисти Буте

радует художников молодых революционных школ, возникших в молодых странах XX века. Росчерк пера А. Франса воспринимается также молодыми писателями советской страны. Здесь снова возникает проблема ценности, основанная на объективном доверии, о котором мы говорили вначале. «Франс» А. Франса на внутреннем французском рынке ниже, чем на международных рынках. Я могу объяснить причину: за пределами современной французской литературы А. Франс является «валютой». Один из его старых секретарей Жан-Жак Бруссон хотел отомстить покойному патрону, написав два тома воспоминаний, вызвавших скандал. Я их советую прочитать каждому писателю. Здесь можно увидеть агитона, поражающего мотру. Он исправлял до селовой корректуры каждого из его произведений. Он говорил сам себе шута: «Я пишу жеманями и клевет». Но примеру Баха или Моцарта он переставлял полностью страницы, монтировал куски, без устали трудился над старыми, уже использованными темами, обновляя их несколькими искусными приемами, изменяя их звучание легким прикосновением пера. «А. Франс в туфлях» — писатель Ж.-Ж. Бруссон — был написан с намерением оклеветать образ и уничтожить память о мертвом писателе. Читатель с удивлением отмечает, что из этого потока злобы только одна фигура вышла возмущенной — Анатоль Франс.

АНАТОЛЬ ФРАНС
Работа скульптора Бурдейя.

У негров Масса

Вот я в Африке. Мне очень жарко. Приходится снять нашу русскую шубу. Я ее выбрасываю вон. Что я вижу самое первое? Я вижу громадный ботанический сад. Он роскошно залужен. Виснувший залив лес; за ним моя любимая бражка. Я выполняю на четвереньках наружу. Видна толпа глиняных татуированных пилингов. Это жилища нашего племена масса. Они гонимой выделки и выделены, как сосульки. Все линии

Г. ГАУЗНЕР. Портрет работы худ. Гончарова.

их линии и ясны. Я вступаю среди них плавно, как в первый раз на пляже. Я прошлепаю мимо выжженных оленей. Шестые краски врезаны наподобие татуировки на глиняных гончарных башенках. Форма этих жилищ, естественно, прекрасна. Они имеют вид обитых кристаллов. Спокойное, растительное, беспредельное совершенство. Они как бы выросли из земли. Я блуждаю среди них. Я вижу громадный ботанический сад. Вот жаркое стадо растений, бесчисленность отбоянных соков. Ближе всех развилось толстое веселое растение с отгороженными листьями. Ручьями оно может хватать этими тонкими листьями. Напротив него бурный отчаянный куст, разбросанный веер листьев-перьев. Растущий наклонный хвост; он распускается днем, на ночь свертывается. Эти маленькие посажены на фоне целой выставки деревьев. Худая ползучая пальма, обвивая австралий, раслабленно покладывает свою ветку к нему на сук. Пальчатый Я рад ее видеть. Низкое яростное дерево, разветвленное как молния на фотографии. Я медленно гуляю между неизвестных растений, невольно отбрасывая этими таблички у корней. Такие на 1-й Мещанской в ботаническом саду. Но я в Африке. Я захожу у входа в тропический лес. Что еще я наблюдаю? Я наблюдаю жаркие и гниющие и душистые парниковые апараны. Лучи переламываются в них. Растения прямо-таки обведены жаркой радугой. От них падают желтые и красные тени. И тоже обведены радугой. Все мои нервы отключаются после напряжения. Я гуляю в ботанической Африке и испытываю чувство возбужденной беспечности. Теперь надо отправиться в тропический лес; найти первобытные по-

Этот отрывок, выходящий в рукописи несомненно варианты, различно озаглавленные, относится ко второй части задуманного Гаузнера романа «Превращенный». Герой этого романа — миссионерский миссионер — миссионерский миссионер. В «спонсирах» целности бытия. В «спонсирах» целности бытия, не находя самого себя в СССР, он совершает путешествие по различным странам (Франция, Япония, Африка и т. д.). Роман был задуман на как «эпическое полотно», а с лирической интонацией, что диктовало также его автобиографическую подоснову (в смысле не сюжетной, а психологической). В настоящем отрывке в большей выпуклостью проявились главные свойства письма Гаузнера: приподнятый экспрессионизм, восприятие, занятый в лаконичных точных фразах, яркость видения и, вместе с тем, отсутствие формального эксперимента.

селения племена масса; у негров я буду наслаждаться бездельными искусством: но сперва или в лесу несколько дней, чтобы забыть все на свете.

У самого входа в лес я выбрасываю прочь свой московский костюм и нижнее белье. Я захожу в чашу голый и только в ботинках, чтобы не навалот ноги. Внепри мне таломерно портает саженная африканская бабочка. Вот, словно вместе крылья, она садится на куст и его гнаблет. Или она мечется, как угорелая, вверх и вниз. Ей наплевать на все. Она мой первый друг. Я вприпрыжку иду за ней по широкому коридору в чаше. Два растительных стены из переплетенных деревьев прочно связаны лианами. Через лиственный потолок в полуденном нитке капает невозможно света. Но покуда ветер, и в дыру потолка прямо-таки с шумом выливается целое ведро воды на дерево над куст. Горячие ручьи убегают по белым пестрым рукам. Я сажусь на корточки и слышу их дальнейший путь. Я не слышу. Я не хочу себя больше чувствовать ли в чем. Я одолевлю весел и громко вон, размахивая руками. Я пою по-негрятски.

Тумбо Тумбо Тумбо
Тумбо Лиссабон.

Варабанный гром всей чаше повторяет эту вызывающую песню. Чаша мой друг. Я иду и по дороге иногда встречаю диких зверей, но это неважно. Бабочка все время крутится впереди меня, как собака на прогулке. Я ее окликаю. Я кричу ей: «Тумбо». Клянусь, она прилетает на оклик. Тогда я ее осторожно подхоплю по толстым крыльям, чтобы не испугать выплыву, и даже пытаюсь наорвать с лапой. Я варабегу плять от беспечности и пою во всю глотку:

Тумбо Тумбо Тумбо
Мадра и Лиссабон.

Мы с бабочкой продолжаем свой путь. Вот невероятное дерево-ропа. Оно захватило пять саженей земли и загорелося мне дорогу. Это сумасшедшее дерево. Его бешеные корни вращались вниз земли, и распушено данные ветви глубоко вросли в почву. Боясь заблудиться, я пошулу на четвереньках среди его хаоса и переразберихи. Я рассматриваю вранчирю это чудовище, но вижу только переплетения вбешенных отростков и отростков. Поша я путаюсь и под-

зав, сразу темнеет. И согласен переполнеть. Поднявшись на руках, я вбегаю на широкий сук, снимаю на ночь ботинки и, связав шнурками, перевешиваю их через ветку. Мое дерево разогнало прочь всю растительность вокруг себя, но из жалости даю приют маленькому банановому «серверу путника». Верхушка этой пальмочки на уровне моей постели. Я спокойно ужинаю бананами. Потом выпиваю стакан чистой воды, наложив чайный лист и подставив ладони. Перед сном я раздумываю о трудной жизни моих друзей в Москве. И их жалко и укладываюсь поудобнее спать. Медленно все освещается громадным сиянием светом. Возшла африканская луна. В чаше совершенно светло. Воздух досида раскрасен. Все деревья осыпаны голубыми большими искрами. Я даже слышу электрические потрескивания. Повсюду упали зеленые и лиловые тени. Я люблюсь, радугой оттенков синего, потом асапана. Моя первая бабочка сложила крылья и сидит рядом на ветке. Мы тоже осыпаны искрами и светимся. Потом наступает утро. Мы продолжаем прекрасную прогулку. Так я иду шесть дней и вот уже сыт природой и одиночеством. Это желание исполнено.

Теперь пришло время поселиться навсегда с неграми. Я поспорюе полнижаюсь на большой холм. Я вижу то, что мне нужно. Внизу обширные поля, и они возделаны. Негритянка доко садилась пальму, сжав ее коленями, свесив зад и держась одной вытянутой рукой. Моего негрятки она медленно ходит среди живописных кустов бананов. Три женщины пагулались, чтобы выкопать зрелый н'ям. Сидящая на пальме беспечно отрубает плоды, падающие в плетеную корзину, которую держит в расставленных руках голая девочка. Ползающий по узкому ребечку тоже хочет поймать плод. Он протягивает руки и смеется. Но все плоды падают прямо в корзину, и девочка трясет ее, чтобы они лучше улеглись. Какая мирная картина! Дым от очагов спокойно поднимается в голубые плантации. Я видел такие плантации в описаниях путешественников серии XIX в. Их выдвигали в народной библиотеке на Божьейке. И здесь все именно так. Я сюда направляюсь. Я рад, что и тоже голый, как свой парен. Социалистический человек на меня не получается. Что же, я сделаю негр и позабуду про всякое строительство и беспечность. Негры мои друзья. И вот я весело ору жителями: «Привет!»

Все они оглаулись, разинув рты. Оседлавшая пальму женщина с вонем падает на спину и уронившая вопевулился нож. Все женщины вопевули тоной бегут в деревню. Я помахал во все лопатки за ними.

Женщины от меня бегут; они переполнились все «селение»; войны встречают меня в сомкнутом строго со шитами и металлическими кобыями; я им доказываю жестами, что я не колонизатор, а советский, но только у нас — трудно стало жить; они недоверчивы и обмалки во меня, но я голый; под конец колуду племена объявляет меня сумасшедшим; на этих правах негры принимают меня в свою среду; я поселяюсь в хищине вождя.

КНИГИ "РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ"

«Рабоче-крестьянской молодежи необходимо рассказывать о том, как работали и крестьяне царской России волеи вооруженную борьбу». Эта задача, поставленная А. М. Горьким перед советскими писателями, отчетливо разрешается в «Рассказах о прошлом» А. Богданова.

Писатель-большевик с большим революционным стажем за долгие годы активной борьбы, нелегальных скитаний и тюремных заключений накопил много впечатлений и знаний об этом прошлом.

Классовая борьба в городах и селах, нарастание и подъем революционного движения в 1905 г., разгул наступившей реакции, жнивь и быт в царских тюрьмах и застенках — вот основное тематическое содержание книги А. Богданова. Особняком стоит рассказ «Тагта разубужена», который посвящен более поздним событиям из истории борьбы красных партизан с интервентами на Дальнем Востоке.

В книге даны образы представителей разнообразных социальных групп и прослоек, причем более полно и ярко и красочно показано крестьянство.

В лучших своих рассказах («Бунт», «Гарьская душа», «Смерть нет») писатель вскрывает корни социальных противоречий в деревенской обстановке, изображает картины помещичьего произвола, кулацкого и капиталистического бесправия и унижения. Слабее и комичнее рабочая среда, сущность и специфика которой не получила достаточно художественного воплощения и выражения. Однако и рассказы о рабочих имеют большое познавательное значение. И лишь отдельные рассказы, как «Савья Голотур», «Акриды», слишком легковесны по содержанию и анекдотичны, а поэтому не могут иметь широкого звучания.

Следует отметить, что книга в целом не претендует на разрешение

большим проблем. Она содержит в себе лишь более или менее удачные зарисовки лиц и явления минувшей эпохи. Писатель выступает в роли непререкаемого и вместе с тем правдолюбивого рассказчика о событиях исторического значения, которых он иногда даже подтверждает в своих примечаниях. Рассказы отличаются простотой языковых средств и композиционной неприязнательностью. Как на недостаток следует указать на слишком забытые сюжетные схемы, которыми автор иногда пользуется («Тагта разубужена»).

П. БЕРЕЗОВ.

А. Богданов, «Рассказы о прошлом», 1934, «Советская литература», стр. 197, ц. 2 руб.

БИРОБИДЖАН. ЕКАТЕРИНО-НИКОЛЬСКАЯ СТАНИЦА.

"ПРОЩАНИЕ"

Прощание с прошлым, — бывает ли так, что оно становится единственной темой писателя?

Шлох, когда человек слишком долго забывает свое прошлое. «Иваны Ипоминские» в литературе — это скорее ремесленники, чем мастера, и их убежденным интонациям не особенно хочется верить. Но не лучше, когда каждая интонация, подымающаяся до предельной высоты, ломается на лирической ноте беспомощной и бесконечной ноте беспомощной. И только продолжение прошлого во имя будущего дает плодотворные результаты в настоящем.

Именно так обстоит дело с Е. Габриловичем, сборник которого «Прощание» («Советская литература», 1934) показывает последовательный и трудный путь писателя, срывающего с себя доску старую кожи. Не всегда в книге Габриловича речь идет о календарных датах, и чаще, чем факты, в ней фигурируют чувства. Но спор писателя со своим прошлым ведется в ней на всем ее протяжении — непрерывно и настойчиво, с патетической иронией и глубокой искренностью. И лишь замечательный рассказ книги «Белбалта» понимается как этот спор как его окончательный творческий результат.

При всей своей внутренней автобиографичности внешне книга Габриловича представляет собой ряд совершенно самостоятельных рассказов. Казалось бы, можно пренебречь чуть ли не выписанными на поля книги личными интонациями автора и рассматривать каждый рассказ в его об'ективной сюжетности. Но попробуйте это сделать, и вы увидите, как поблекнет вся книга, какими порой анекдотическими предстают ее герои, какой ограниченностью угла зрения удивит вас показанная в ней действительность.

Все дело в том, что, растворяясь в рассказе как физический персонаж, авторское «я» живет в них полной внутренней жизнью. Действуют другие, автор только встречается с ними или их сопровождает. Но как в дневнике лирический комментарий важнее иногда описываемого события, так в каждом почти рассказе Габриловича только авторские чувства по поводу события расширяют его подлинную глубину. Рассказывая о самых разнообразных людях и событиях, Габрилович рассказывает по существу о своем к ним отношении. Он умышленно,

с протексовой интонацией, надрывает пропорции действительности, чтобы связать с ней переходящую из одного рассказа в другой подпочвенную тему пережитого интеллигентского сознания и его борьбы с прошлым. Каково же это прошлое? Это тяжелая весомость вещей, это биография, «усыпанная шкافتами и самоварами», это отсутствие привязанности и настойчивые чувства, это «горючая доброта», «слезявость», «мелкоперство», — коротко говоря, это благополучная и странная, как проказка, стихия мелкобуржуазного существования. «Несушиная деталь» этого прошлого выпадает в книге Габриловича до размеров обобщенного символа, а хотя бы те же самые шкافتы, кочующие из одного рассказа в другой, долго являются как бы локальными признаками его неотъемлемости, пока в последнем рассказе они не обобщаются обыкновенной и в толком расставленной мебели лептомосковского кабинета. Пролетное подвергнуто Габриловичем критике.

Первые два рассказа сборника «Морат» и «Шугун» — это почти странички неотъемлемых воспоминаний, в которых автор, оставаясь себя в тени как лицо действующее, выступает на передний план как лицо переживающее. Две по-разному нелепых жизни периода гражданской войны, полная ошибок, чепухи, обтормани и тяжелой молчаливости, показаны в них с тем, чтобы по-разному обобщая их смерть заставляла автора привязаться в своих собственных опытах и пересмотреть свою собственную жизнь. Черты живого свидетеля рассказанных событий и черты пастельной биографии сведены здесь вместе, и, отрезавшись от прошлого, Габрилович не в силах еще оторвать от себя пристрастия к герою, «по справедливости не стоящим и листа бумаги». Они нужны ему прежде всего для того, чтобы осмыслить свою судьбу, выведенную революцией из этой же среды.

Но на этот расчеты с прошлым далеко не окончен. Даже в тех рассказах, в которых оно не называется никогда описываемого события, так в каждом почти рассказе Габриловича только авторские чувства по поводу события расширяют его подлинную глубину. Рассказывая о самых разнообразных людях и событиях, Габрилович рассказывает по существу о своем к ним отношении. Он умышленно,

с протексовой интонацией, надрывает пропорции действительности, чтобы связать с ней переходящую из одного рассказа в другой подпочвенную тему пережитого интеллигентского сознания и его борьбы с прошлым. Каково же это прошлое? Это тяжелая весомость вещей, это биография, «усыпанная шкافتами и самоварами», это отсутствие привязанности и настойчивые чувства, это «горючая доброта», «слезявость», «мелкоперство», — коротко говоря, это благополучная и странная, как проказка, стихия мелкобуржуазного существования. «Несушиная деталь» этого прошлого выпадает в книге Габриловича до размеров обобщенного символа, а хотя бы те же самые шкافتы, кочующие из одного рассказа в другой, долго являются как бы локальными признаками его неотъемлемости, пока в последнем рассказе они не обобщаются обыкновенной и в толком расставленной мебели лептомосковского кабинета. Пролетное подвергнуто Габриловичем критике.

внувшись в гущу событий первой колхозной весны, не успевае отлучиться от самого себя, хотя и здесь он остается вне полной живности с действительностью. Но уже «Поэзия в Бонсе» вновь обнажает сложное и столь характерное для Габриловича переплетение темы и внутрисюжетного переживания этой же самой темы. Он рассказывает о молодом забойщике, чужае Степанове, который едет в районный центр а, преодолевая огромное количество мелких препятствий, добывается там необходимым для шахты шнура. Параллельно с его бедотной и стараниями развешивается описание того, как проводит свое празное время в Бонсе автор и его спутник бухгалтер.

Но самый решительный бой своему прошлому Габрилович дает в рассказе «Прощание». Здесь он сталкивается лицом к лицу с Западом и видит его во всей физиологической наготы, здесь он слышит интеллигентские прожекты биржи, своих «собратьев по рождению» и встречает их снова, в разгар кризиса, развалившихся, болтающихся и выкинутыми из жизни. И, опираясь на весь опыт, который дал ему революция и участие в строительстве страны, он почти выплевывает в это лицо свое последнее отречение:

«О, Запад, чорт ковче! Как долго прельщал ты меня своими штанами! Как много думал я о тебе в стенах и лесах, среди дворов, кошево, штреков и силоса! Как труда была моя жизнь, брошенная на бесценную битву с тобой!»

Прошли года, я увидел себя. Как легко отворачиваюсь теперь от тебя а, пассажир питонник и телег, путешественник на дронях, в кабинках, в трамваях!»

После этой последовательности освобождения Габриловича от старых чувств, которая так очевидна в названных выше рассказах, не удивительно новые творческие качества заключительного рассказа сборника «Белбалта». В нем писатель находит, наконец, положительное понимание действительности, в котором отсутствует разрыв между «мыслями и темором горнами». В этом рассказе настоящее окончательно вытесняет прошлое и пафос отчаяния переходит в утверждение социалистической действительности.

ГЕРМАН ХОХЛОВ.

О ГАУЗНЕРЕ

КОРНЕЛИИ ЗЕЛИСКИЙ

Мы потеряли товарища... В бумагах Гаузнера сохранились обильные материалы, относящиеся к его будущему роману и несомненно начатым отрывкам из него. Гаузнер принадлежал к «сплошникам» самого крайнего порядка. Он хотел кредиторство все заранее; все, что будет написано. Он работал деловым методом, собирая свой материал, как собирает автомобиль, — из тысячи деталей и наблюдений, которые он заносил в записные книжки и дневники. Гаузнер хотел создать произведение типа «Дон-Кихота», «Шаровой кожи», «Каледона», т. е. что бы роман казался единым целым, единым миром, единым пространством. Это мысль ему также подсказывалась объективным материалом, которым пользовался он. Этот материал был он сам, его биография, его внутренняя жизнь. Из этой западни точно осознанного, но не мучительного быть пересказанного видывающегося Гаузнера пытался вырваться путем вранья, путем превращения себя в людей, вещи и явления окружающего мира. Мы можем сказать, что это была оригинальная практика фиктивности, где «са» отожествлялось с «не-я». И все же «са» выдвигалось вперед, и оно в конечном итоге победило. «Скорее», — говорил Гаузнер, — вот я родился так. Это мое социальное несчастье в его личной форме. Я сияю желтой буржуазией. Что же, прощай? Нет, вступаю в жизнь, борюсь. СССР есть для всех дорог из прошлого в будущее, кроме его врагов. Значит, для себя лично вывод: исключить волю как электрическую силу, организовать действие за вытеснение своих пороков, на свое переоснащение». И вот эта тема обобщается как центральная тема эпохи. Гаузнер высказывает в дневнике, характеризуя общую линию романа: «Яростное движение (как у Солженицына) — движение». Все в этом отношении, превращая буржуазную романтику, превращая и приближаясь к типу социалистического витузаста». Так логически главные разделы романа: «Отпеленцы» (изв.), «Перегробики» (1930 г.), «Доделанные» (1934 г.). И отсюда возникает рабочее название романа «Превращенный». Гаузнер записывает дальше: «Необходимо превращение в борьбе противоречий, людей, классов, народов, стран — мировой войны; это всегда было и будет; при переносе эта его усиливается. Вот моя «Шаровая кожа». Довести это до полной простоты и ясности. Добиться, как у «Шаровой кожи», чтобы как-

являются отдыхом. Каждый день должен разгравываться, как сражение». Вот с какой серьезностью, доходящей до педантичности, работал Гаузнер. Он хотел быть своим собственным оператором и контролером и своей обработанной автобиографии (а в книге «Девять лет в поисках небыкновенного» много автобиографического) относиться как к постановке, сделанной вещи. «Социально я родился уродом, — как бы говорил он себе, — и должен быть мужичком, а должен сам выпрыгнуть свой горб». Не сразу Гаузнер пришел к сознанию того, что наедине с собой это сделать никогда не удастся. Саморефлексия — ведь это та же очевидная примочка мелкой буржуазии. Она только раздражает небыкновенного (это увидит только наш читатель, как увидя ее однажды А. Н. Толстой в нашей беседе с Гаузнерам беседе) в этом смысле она как отторжение Гаузнера прощало, уже отбитого им самим к тому времени, как он приступил к роману «Превращенный». Как он сам пишет в своем дневнике, решающую роль сыграло здесь пребывание в Красной армии. Замечательный коллектив нашей Красной армии разрешил все те метафизические теории, что ты-не-го-го-го-го. Не обманывай, и не раздувай значение своего прошлого. Вспомни, что Гаузнер — это человек, который в общем деле, и оно перестало быть. На Гаузнера также большое впечатление произвела поездка на Веломорский канал и работа над научной книжкой о Беломорстрое. Наблюдения и опыт, которые он извлек отсюда, всюду разнесены в проектах будущих глав его книги. Как писать? — спрашивает он и отвечает: «Ити не от еднички, а от движущихся классов с их различными конфигурациями людей — превращающиеся, втягиваемые, отходящие — на разных этапах. Главные герои, вещи — превращаются, но в этом мораль; превращаются, но в этом мораль; превращаются, но в этом мораль; превращаются, но в этом мораль». И еще: «Точка зрения. Хотя в гуще и участвуя, но понимая и чуть-чуть отстранившись. Важна не пель, а нахождение. Новое здоровье и смех. Железная логика вещей. Все эти сценарии. Вот так он и будет вынужден вперед в противоречиях, раз уже вступил на эту дорогу. Так и все — по-моему. Такова жизнь. Не покажи и не купление, а такова его социальная судьба. Так движется. Больше вмяра и вранья. Вышего всея. Жизнь человека. Возрасты, конституция, среда, время, как устроено. Отсюда интонация понимания логики развития жизни. Человеческое, некоторые высшие понимание и созвучность. Жизнь отрывок из эпопей, курсов, формации. Обломок огромного. Чтобы чувство было, что про других. Отдельные фрагменты. Известные, мед, люди. И в то же время устремленность владение — внутренне разлететь. Отсюда интонация знания людей».

Таким образом, две темы оказываются переплетены в романе; одна: еще одно пробужденное и изначальное понимание истории, бох место положения (слоя и пр.) в мириадах огромных тонн; другая: превращение советского в коммуниста и мелкобуржуазного интеллигента в социалистического. Подтагание рядов друг к другу. Они соединены грандиозной темой борьбы капиталистической цивилизации и коммунизма, которая даст тон всему.

Вот краткие самые общие положения, которые Гаузнер хотел положить в основу своей работы. Можно сказать, что это была тема исторической диалектики нашего времени, тема, которую Гаузнер хотел осознать во всем ее подлинном мировом, эпохальном значении. Чтобы дать представление о том, как Гаузнер хотел эстетически заполнить и разрешить эти огромные контуры своей темой, — вот несколько записанных им в дневнике на этот счет соображений. Как и во всем, Гаузнер и здесь хотел также заранее конструктивно и с предельной отчетливостью представить, что он будет делать. Вот: «Техника. Со всей моей ревностью, нежеланием, крутыми поворотами, ступенчатостью кусков лозко создает впечатление небрежного рассказа. Все выдвигается в «Девять лет в поисках небыкновенного» и «Доделанные». Создать прозаический вербод. Разная интонация эпизодов и глав («Я опочее»). Это перебивается, различно окрашенное море жизни. Сопоставление больших и маленьких фраз с различными мелодиями. Точность глагола («сидит навтыжку ребята»), засасает компания чиновников» — это латинская точность глаголов («мохнотое стекло»), сыкато («Примем в Торг»). Резкое ощущение опущенный («у» опочее»). «Пустое путешествие», но более четкое. Энергичный, простой рассказ («Григичинский лес»). Изначество, волнозная манера, но более мужественно, стенографично. («Взятие редута» и «Редута едм»). Стенографированный рассказ; Шляковский, Третьяков, «Европа и Америка», «СТЗ». Последнее рече Ленин. Мерзья, Пушкин; Мерзья наново, плюс Ленин и Толстой. Интонация простейшего; остро и режущего; понимание этой сути вещей; очень просто и ясно; обобщаясь к массам; очень энергичное говядить; ведущее противоречие, как только темы, эпизода, гловь фразам, латинские четкие с моей эксцентричной ревностью; не декламаторство, а объяснять массам в собеседовании — почему; точность, резкий факт с алгеброй и фамилией; и оттенок мягкой иронии; самая простая правда о жизни, но с превеликими, как и в сюжете; словарь — географичный, московский, Ленин, Герцен, Пушкин, Маяковский, «Невданная Япония».

изменяющийся по отрезкам, но врывающийся в чужие слова, а не локально. Но для кого? Ведь читатель важный компонент стиха». И в заключение Гаузнер записывает также два ответа на вопросы: что хочешь сказать и что проагандируешь? Что хочешь сказать?.. Что классовое ощущение иррациональный характер, а социализм, т. е. плановое общество, ставит их на надлежащее место. В частности экстремисты (мечтатели, романтики — экстремисты — так Гаузнер называл самого себя и таких, как он К. З.) только здесь могут сохранить суть, приобрести реальность, мечту, идеологию — в этом быте огромным размахом, доделавшись. Он хочет сказать, что вот источник из разорванного первое в мировой истории покаяние экстремистов. Что проагандируешь: будьте внимательны к людям этого характера, сумеете их правильно использовать. А ребята — чтобы доказать: спасение только через преданность делу, через стойкость; и если мечты будут созданы с практикой трезвой и наоборот; если будут доделываться». Роман «Превращенный», как сказано, должен был состояться на трех томах или частях. Первая (до конца) должна была вобрать в себя много эпизодов, выдвигаясь герои, документы, выдержки, песни, анекдоты, события. Переписанные толк. Это выделит только, если я составил себе законченную концепцию об истории мелкой буржуазии за 17—34 гг., как о ребятах. Надо собирать материалы и обдумывать. Не только непосредственное влияние, но и впитанное с молоком, и потому совладение и уже в другой среде отбывается Мелкая буржуазия исчезает, рассыпается (летит, часть отлетит) и меняет функцию. Вытравляется классовые черты, но превращаются окончательно не все личностно, а классы (в данном случае, мелкая буржуазия движется к бесслабовости). И в этом решительно состоит мировая философская идея превращения, ваятая дарвиновская, марксистская, т. е. превращения не особи по отдельности, а виды, пользуясь мутациями и их выдвига на первое место.

Все, что я привожу — лишь самые незначительные отрывки из собранного Гаузнера. Тщательно развешивая, с доверием до осознания предельности, а классы (в данном случае, мелкая буржуазия движется к бесслабовости). И в этом решительно состоит мировая философская идея превращения, ваятая дарвиновская, марксистская, т. е. превращения не особи по отдельности, а виды, пользуясь мутациями и их выдвига на первое место.

Во всяком случае Гаузнер следовало все, чтобы свои слабости пустить в толгюлю, для поддержания в себе настоящего творческого огня. Он был незаурядный человек, и потому, настоящий писатель, и никогда не давал себя увлечь ничтожным пелам или маленьким мыслям. Он был очень честолюбив. Это была ревнивая работа, чтобы себя не проленить и использовать себя лучшим образом в том, где спсобно. О нем можно было бы сказать словами Карлея (историк, воспитатель, себе «геронское»): «Если бы не существовало само избрание, если бы не было волеи, руководящая человеческими предпрятиями, равнялась человеческим способностям, то все истинно честолюбивые люди сделались бы писателями». Гаузнер, однако, был скромнее и, насколько я его знал, мелко не тщеславился. Я думаю, что он мог бы сказать нам, что хотел сделать свою писательскую работу делом чести. Что же, это правдивая мысль. Не стоит брать за литературу, если не вложить в нее всю серьезность и все свои жизненные силы.

Рано обрвался жизнь у Гаузнера. Смерть отняла у него его по праву принадлежавшее будущее...

СОВЕТСКАЯ АРКТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА

ХУД. РЫБНИКОВ. АРКТИКА.

Вслед за выставкой художников Уэбенистана Всесоюзный оргкомитет выставки «Советская Арктика» в произведениях художников М. Беринга, А. Меркулова, А. Рыбникова, В. Белиева и С. Сморженко.

На выставке будут показаны 250 полотен и рисунков этих художников, участвовавших в советских арктических экспедициях. В работах отражены экспедиции «Севола» (1933 г.), последние рейсы «Персея», экспедиция 1931 г. на Мурманск и Кольский залив. Пейзаж Мельвежского полуострова, Земля Франца Иосифа, мыса Желания, Шпицбергена изображены на полотнах и листах этой выставки. Пожалуй, впервые московскому зрителю будет показано столь богатое собрание арктического пейзажа в произведениях советских художников.

Выставка откроется в выставочном помещении Всесоюзной 18 октября.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА — В МАССЫ

В г. Шахтах состоялось расширенное собрание парткомитета, посвященное проработке решений первого всесоюзного съезда писателей. На районном парткомитете с отчетом о работе съезда выступил делегат съезда драматург И. Стальский. Парткомитет намечено организовать в г. Шахтах кабинет рабочего-автора. Руководителями партийные, профсоюзные и хозяйственные работники шахт обязаны организовать помощь рабочим литераторам в их учебно-творческой работе.

Тов. Стальский отмечал также перед шахтерами лучшие в Советском союзе шахты «Артем».

В резолюции по докладу о съезде горняки обязались усилить борьбу за тоны «черного золота», завоевать своей шахте во втором всесоюзном конкурсе шахт звание передовой.

В ближайшее время горняки «Артема» готовятся к обширной читательской конференции, на которой будет разобран роман В. Иванова «Пожоженая фактория».

Б. В.

ИРКУТСК (Наш корр.). Составился многолюдный собрание читателей — военников, бойцов, инструкторов дивизии, на которых организована группа из вышедших с оборонных писателей С. Большим успехом прошло собрание ВАРНИССО. В ближайшие дни намечены выступления делегатов съезда у комсомольского ак-

РЕСТАВРАЦИЯ ДОМА ПУШКИНА В ОДЕССЕ

ОДЕССА. (Наш корр.). Приступлено к ремонту фасада дома в Одессе (по Пушкинской улице, № 13), где жил А. С. Пушкин.

Наблюдение за реставрацией дома поручено специальной архитектурной бригаде во главе с проф. Замечником.

БЫТ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Над большим трудом «Быт пушкинской эпохи» работает литературовед Н. С. Ашурин. Работа представляет развернутый комментарий к быт-опи Пушкина. В ряде статей освещаются все устаревшие бытовые понятия и слова эпохи 20—30-х годов, непонятные современному читателю. Кроме этого Н. С. Ашурин принимает ближайшее участие в создании выпускаемой «Академией» пушкинской энциклопедии, задача которой дать современному читателю все сведения для полного понимания текстов Пушкина.

СОВНАРОМ РСФСР О БИБЛИОТЕКЕ ИМ. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

По докладу о работе Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Совнаром РСФСР отмечено, что библиотека собрала богатейший книжный и рукописный фонд (6,2 млн. томов). Библиотека проводит значительную научную работу, организовала обслуживание научно-исследовательских учреждений и промышленности.

Однако в библиотеке неудовлетворительно поставлено хранение книжных фондов, недостаточно быстро разбираются вновь поступающие фонды книг, библиотека не удовлетворительно работает по обслуживанию читателей. Совнаром РСФСР обязал директоров библиотек срочно упорядочить хранение и разработку книжных фондов и в IV квартале отремонтировать здание библиотеки. На ремонт отпущено 171 тыс. рублей. (Роста).

ДОКЛАД М. ЛИФШИЦА

Вчера в Комкакадемии состоялся доклад, организованный секцией литературы и искусства института философии Комкакадемии. С докладом «Введение в историю марксистско-ленинской теории искусства» выступил М. А. Лифшиц.

В своем докладе он подчеркнул, что предпосылкой плодотворного развития марксистско-ленинской теории искусства сейчас должно явиться широкое диалектическое истолкование явления искусства и эстетики прошлого. Основы для такого истолкования заложены работами Маркса и Лениными работами, опубликованными в течение последних лет. Основная мысль доклада та, что буржуазная эстетика недостаточно было решение задачи полного соединения личного и общественного, идеального и реального, сущего и должного. Только в рамках социалистического общества эта задача решается окончательно. В прениях выступили гг. Лукаш, Спасский, Столпер, Герман, Грб.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

В *Большевской трудкоммуне открылся университет культуры*

Официальное и торжественное настроение началось через две-три минуты после первых теплых благодарственных слов коммунар — зав. воспитательской коммуны т. Наминского, обратившегося к московскому Дому ученых от имени всего коллектива.

За столом президиума разместились представители московского Дома ученых т. Н. И. Бухарин, М. Ф. Андреев, А. В. Травина, проф. Красное и актив коммунар тов. Глазман, Погодин, Наминский, Хлыстов, Саламатин.

Из маленькой коммуны бывших беспризорников и уголовников *Большевской трудкоммуну НКВД* выросла в социалистический город. Произ-
Рис коммунара М. Сакулера

водственные предприятия, фабрика-учебный комбинат, клуб, жилые корпуса — все это создано за десять лет руками самих коммунар.

— Три года назад Дом ученых впервые пришел в трудкоммуну. Сначала робко приглядывались, зная, что библиотека — это горячо любимое друг друга, тепло атмосфера дружбы и напряженной работы, — говорит М. Ф. Андреев. — Помогли довести эти встречи от одной в месяц до сорока в неделю.

Сейчас мы уже можем перейти и систематическому строению изучению культурных дисциплин, к созданию культминимума по всем основным отраслям знания. Программа университета, разработанная Домом ученых при инициативной поддержке трудкоммун, рассчитана на два года.

Изобильное число часов предоставляется музыке (60) и театру (60). Эти два раздела охватывают все виды искусств — от истории человеческой речи до истории живописи. Древняя классическая литература, органически связанная с историей театра, не выделена в самостоятельный раздел. Это позволило уделить современной советской и иностранной литературе 54 часа. Страноведение имеет 48 часов, мироведение — 36 часов.

Двухчасовой доклад т. БУХАРИНА об истории культуры был первой лекцией этого университета.

Лучше всего заметных книжек говорили за себя чтение аплодисменты и смех двухтысячной аудитории с жадным вниманием пошедшей в каждом слове докладчика отражение своей жизни, своей борьбы и своей победы. В. З.

М О Р И С МАРЕШАЛЬ

9 октября в симфоническом концерте оркестра Радиокомитета в Колонном зале выступил известный французский виолончелист Морис Марешаль. Марешаль — большой артист. С одинаковым мастерством исполняет он классический концерт Гайдна для виолончели с оркестром и блестящую «Хабанеру» Равера.

Марешаль обладает современной техникой, глубоким и красивым тоном. «Ариозо» Баха под конопь прозвучало в его исполнении настоящим органичным звуком.

С большим блеском и темпераментом была исполнена артистом новая для московской публики «Испанская песня» Иоакима Нинна. Следует также упомянуть об оркестре ВРГ под управлением Георгия Себастьяна, чрезвычайно тактично и чутко аккомпанировавшем тонкой игре Марешаля. В. О.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

„НЕСУСВЕТОЧ“

Хотя вы давно знаете, что «все врут календары», вы все же верите, утешаясь мыслью, что «то буржуазные вральи, а наши — честные, не врут».

Зря верите. Не надо.

Разверните настольный календарь ленинградской Ф-ки «Светоч», найдите Октябрь 8-е и 9-е. Внизу каждого листа традиционные «полезные сведения». 8 октября вы узнаете, что в этот день 1924 г. умер поэт В. Я. Брюсов и что он родился в 1873 г.; на следующий день 9 октября вы узнаете, что он еще раз умер 9 октября и вторично родился в 1873 г. Н. Н.

ДА ЖЕ В ПЛАНАХ НЕТ

В прошлом году литературное движение в Перми развивалось очень оживленно. Насчитывалось 12 литературных кружков, в которых работало более 100 чел. Сейчас осталось только половина.

В чем же дело? А дело в том, что Свердловское правление ССП никакой помощи литмассовому движению не оказывает. Правда, в Перми часто приезжают Пушкин, Тухоль, Троицкий, Малецкий, Хоружий и др. Выступают они в библиотеке им. М. Горького, почитают отрывки — и все.

В самой Перми воспитанием литературных кадров никто не занимается. В свои планы работы горком партии, горком комсомола и горпрофсоюз этот вопрос никогда не заносили.

В августе приехал из Свердловска представитель облпрофсовета т. Думкин. Обследовав работу кружков, он пришел к выводу: в Перми нужно открыть кабинет рабочего-автора. Посоветовавшись с пред. профсовета т. Суверинным, они решили открыть кабинет при центральной библиотеке им. М. Горького. Точно все расписали, наметили людей и... кабинета не видать по сей день.

МИХАИЛ КЛЕНОВОЙ-БОГДАНОВ.

О. Н. БАСОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Вахтанговский театр потерял одного из самых замечательных своих актеров — Осипа Николаевича Басова.

Когда в первые годы революции Басов пришел в студию, в которой впоследствии вырос наш театр, за его плечами был фронт империалистической войны, контузия, плен.

Вспоминается первая большая роль Басова в нашем театре — один из наследников в «Чуде святого Антония» — толстенький коротышка, буржуа, истый французик со варьями визгливого темперамента, лицемерно-патетический, а в глубине души — оборотливый и знающий партнера наизусть. Вспоминается Полюховский, растерянный, растерянный, сляком подбитый с дивана и так и приваляющийся в новости — с помятым от сляком, с насупом и небрежно появившимся галстуком, Полюховский — прежде всего наивный и жалкий, а потом уже смешной. Вспоминается вольеватый гусар в «Сивачике», кирасирский полковник в «На крови», блатованно-грасирующее дитя в блестящей форме гвардейца, с волевыми шагами по паркету палатом, с претензиями салонного остроумца.

И еще и еще вспоминаются фигуры, созданные Басовым, — и среди них две его последние роли: старика Миллера в «Коварстве и любви» и Василия Достигаева в двух пьесах Максима Горького.

И наконец, последняя сыгранная им роль — его отход, роль вдовольно-напавшего и глупого мужа в «Дороге цветов».

Басов был в театре Вахтангова не только одним из ведущих актеров, но и режиссером и педагогом. Ряд спектаклей, шедших и вступивших у нас — «Сивачик», «Барсуки», «Коварство и любовь», «Дорога цветов» — сорвет его горячим и неожиданным вхождением, его энергичной, настойчивой любовью к товарищам, потрясающим его чувством правды.

Но не только у нас он работал как режиссер. Им поставлены спектакли в Московском театре для детей, Современном театре, где он был художественным руководителем. Наконец, последнее его увлечение — работа в одном из колхозных театров Горьковского края. В очень трудных условиях, с малоопытными актерами, такел, шедших и вступивших у нас — «Сивачик», «Барсуки», «Коварство и любовь», «Дорога цветов» — сорвет его горячим и неожиданным вхождением, его энергичной, настойчивой любовью к товарищам, потрясающим его чувством правды.

Но не только у нас он работал как режиссер. Им поставлены спектакли в Московском театре для детей, Современном театре, где он был художественным руководителем. Наконец, последнее его увлечение — работа в одном из колхозных театров Горьковского края. В очень трудных условиях, с малоопытными актерами,

Московский Современный театр УМЭП понес тяжелую утрату.

10 октября в два часа дня скончался Осип Николаевич Басов — художественный руководитель нашего театра.

От нас ушел учитель и друг, соединивший в себе редкое художественное мастерство с изумительной человеческой теплотой и кристальной чистотой и этичностью полновольного творца социалистической культуры.

Придя в рабочий театр, Осип Николаевич весь свой огромный талант беззаветно и горячо отдал любимой цели — борьбе за художественную правду.

Глубоко потрясенный неожиданной потерей коллектива театра, первый светлой памяти безмерно утешительно от нас учителя, с таким же горением и энтузиазмом будет продолжать начатое им дело, навсегда сохранив для себя все творческие заветы дорогого, близкого и любимого Осипа Николаевича.

КОЛЛЕКТИВ ТЕАТРА.

Тело Осипа Николаевича Басова перевезено вчера ночью в помещение театра им. Вахтангова. Гражданская панихида состоится сегодня в 10 ч. утра. Вынос тела в Московский крематорий в 11 ч. 30 м. Кремиция — в 13 ч. Сегодня же состоится погребение урны с прахом О. Н. Басова на кладбище Новодевичьего монастыря.

**СОЮЗ РАБОТНИКОВ
КИНО И ФОТО**

Вчера закончился I пленум ЦК нового профсоюза работников кино- и фотопромышленности. Председатель нового ЦК — П. А. Блехин, отв. секретарь — М. А. Гринберг.

ИЗВЕЩЕНИЕ

12 октября, в 20 ч. в ДСП состоится вечер, посвященный 1000-летию со дня рождения Фирдоуси. Программа вечера: вступительное слово — Г. Лахути. Доклад о Фирдоуси — Р. П. Абух; М. М. Дьяков и М. Л. Лозинский прочтут свои переводы Фирдоуси. Свои стихи, посвященные Фирдоуси, прочтут т. Н. Асеев, Э. Хабиев, Г. Саликов, А. Зарре, Г. Лахути, А. Чячюков. Стихи Фирдоуси по-персидски прочтут Г. Андур и Ладбан.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретения, Последний пер. д. 26, телеф. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, телеф. 4-68-18 и 5-54-69.

АКТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ.

12 октября в 1 час для докладов проф. А. Б. ДЖИВЛЕТОВА «Актерское мастерство в Италии (2-я половина XIX века. Поминки Коммунистичекого МГУ (Москва) 9). Встреча в 1 р. при входе. Для членов ВТО вход свободный.

ДИРЕКТОРСКАЯ СЕКЦИЯ.

13 октября в 9 час. вечера доклад А. М. РОДИОНОВА «Театральное ведомство». Поминки ВТО (Страстной бульвар, 26). Заседание закрытое.

12—13 октября

АКТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ.

13 октября в 9 час. вечера доклад А. М. РОДИОНОВА «Театральное ведомство». Поминки ВТО (Страстной бульвар, 26). Заседание закрытое.

Новые фильмы

Из Новосибирска прилетел режиссер Межрабфондфильм В. А. Шнейдер, выезжавший на Алтай для натурных съемок по сценарию писателя Перегудова «Золотое озеро». В съемочную группу входил также и т. Перегудов. В течение полтора месяца, живя в тайге, среди гор, группа полностью засняла все необходимое для картины алтайскую природу.

В феврале картина будет готова.

В скором времени «Востокфильм» выдвухает ряд картин: «Наместник Будды» по сценарию Блажина, режиссер Иван Барков, композитор Глэр. Натурные и массовые съемки свамались в Бурятия-Монголия. В настоящее время картина заканчивается на ягтиской фабрике, куда для участия в съемке приезжает в полном составе бурятско-монгольский театр. По окончании съемки театр посетит Москву, Ленинград и Омск.

«Летчики» по сценарию Филанова. Режиссер Галаджев.

«Детский фильм «Юная Горбушка», сценарий Ина Имаковского. Режиссер Леонтьев.

Фабрика «Рот Фронт» Межрабфондфильма до конца года выпустит ряд фильмов.

«Большое сердце»; сценарий Елдова; режиссер Столпер. Тема: различные духи систем — капиталистической и социалистической.

«О любви и ненависти»; сценарий Ермолинского; режиссер Гендальштейн. Фильм сделан на материале гражданской войны в Донбассе. Заканчивается в октябре.

«Новая земля»; режиссер Ивено. Документальный фильм.

«Боринаж»; режиссер Ивено. Документальный фильм о революционной борьбе рабочих в угольном районе Бельгия — Боринаж. Заканчивается в октябре.

«Победитель»; комедия; сценарий Соловьева; режиссер Федоров.

«Рур»; сценарий Гребнера; режиссер Андреевский. Заканчивается в октябре. Социально-утопическая драма о кризисе в создании мелкобуржуазного интеллигента, переходящего сначала из рабочего класса к капитализму, а затем снова к пролетариату.

Из картины «Большое сердце», реж. Столпер. На фото — зап. артисты М. Штраух и Б. Ливанов.

ПЛАНЫ МУЗГИЗА

Музгиз к октябрьским дням выпускает ряд массовых изданий и хороших. Впервые в этом году различные национальности получают листовки с «Интернационалом», со старыми народными песнями, отечественными на их родном языке (бурятском, ойратском, чувашском, удмуртском).

Изданы национальная литература идет по трем разделам: этнографические записки в обработке самих националов, например: «Три массовые чувашские песни» (для двухголосного хора) Мансимова, чуваша, учащегося Московской консерватории. Социальная национальная литература Музгиза, например: «Сборник казахских песен», Елизарова «Дочь колхоза» (тагартская), этнографические записки послереволюционных песен в обработке советских композиторов, например, Фере «Ильминская песня» Ливанова.

По заказу Музгиза приезжавший в Москву американский композитор Сигмунд написал песню «Узники Скоттсборо не умрут», которая выдана 25-тысячным тиражом.

Два миллиона листовок получат в октябрьских днях пионеры, колхозники, краснофлотцы.

Не забыты и крупные формы. На днях выходит партитура для симфонического оркестра с хором Гедине «Слава советским пилотам». Композитор Василий слав написанную по заказу Музгиза «Арктический симфонический» для симфонического оркестра, которая будет исполняться на радио в октябрьские дни.

В плане Музгиза на 1935 г. взят упор на переиздание классиков, на-

Необжитое здание

Задачей Дома советского писателя является помощь основным квалифицированным писательским кадрам в их творческой работе.

То, что Дом советского писателя — впервые в истории московских писательских клубов — твердо стал на этот путь, является его решающей заслугой; то, что он идет по этому пути, недостаточно признательно и энергично, является главным недостатком.

ДСП должен способствовать расширению кругозора писателей.

Но тут следует учитывать не исключительно привилегированное положение, в котором находится писатель в нашей стране. Для них доступны любые источники материала — будь то архивы, встречи с людьми или углубленные знакомства с какой бы то ни было отраслью работы. Значит, только умело дополнив писательскую библиографию, ставя перед писателями те или иные проблемы, вводя в поле зрения их новые факты, может ДСП выполнять свою задачу.

Между тем те мероприятия, те встречи с братьями по искусству и живыми строителями социализма, которые проносятся в стенах ДСП, отвечают возложенным требованиям далеко не в полной мере.

Во-первых, просто потому, что было их весьма немного и участвовало в них небольшое количество писателей. Вообще говоря, требования массовости отнюдь не являются решающими в работе ДСП, массовость может идти за счет глубины. И все же количество писателей, участвовавших во встречах, — два-три десятка в среднем — недостаточным назвать нельзя. Хуже то, что тематика встреч была в известной мере случайной, не являлась результатом продуманного плана, хотя каждая встреча в отдельности была, может быть, весьма полезной по теме. Здесь, помимо плана,

хотелось бы видеть больше смелости и выдумки, больше изобретательности. Так, интересны были бы встречи с руководителями различных областей социалистического строительства или, напротив, с писателями-работниками, обладающими запасом интересных наблюдений. Еще хуже, что не была продумана методика встреч, а в результате писатели удовлетворены были далеко не всегда.

В самом деле, полярники, например, выступая в рабочем клубе, рассказывают о своих успехах и трудностях, они информируют, главным образом. Выступая перед товарищами по работе, те же полярники не столько информируют, сколько ставят углубленные какие-то вопросы. Ветеранство, что для писательской аудитории пригодно только второй метод. Между тем, на примере встречи с архитекторами хотя бы, видно, что употреблялся первый. Писатели ожидали углубленной постановки вопросов современной архитектуры, тогда как их только информировали.

Многие здесь знают от самих писателей. «Встречи» не готовятся. А их надо готовить и так, чтобы «стороннему тем» повернуть для себя литературно, творчески.

То же и с просмотрами. Очень хорошо, что ДСП устраивает просмотры новых фильмов. Но писатель, как правило, может понаблюдать за любой работой. Иное дело, если бы на материале просмотры специально подобранных фильмов ставились, например, вопросы сценарного мастерства. Это давало бы писателям то, чего они не могут получить в другом месте, это вошло бы в неоспоримый актив клуба.

Бесспорно значительные успехи ДСП по линии организации библиотек и библиографического кабинета. Библиотека за кратчайший срок со-

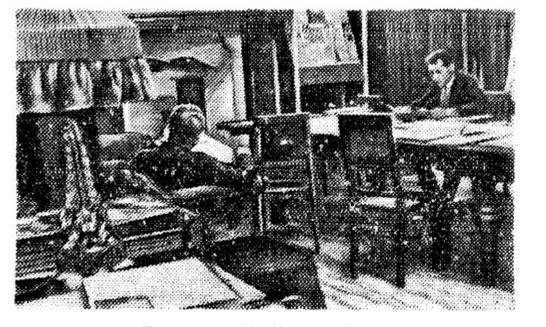
знала отличную работу библиографического кабинета находилась очень хорошо, обращаясь к нему за справками почти не знают отказов. Но в библиотеке мизерное количество абонентов, и библиографический кабинет обслуживает за пять месяцев только 25 писателей, — цифра более чем скромная. Надо полагать, что писатели просто не знают о библиографическом кабинете, который не только отвечает на вопросы, но и снабжает обильным материалом на любую тему.

У ДСП были также и причины вполне объективные, мешающие ему широко развернуть систематическую работу: лето, съезд и т. д., но месяцы вынужденного затопки следовало использовать на подготовку к ней, потому что если эта работа начнет разворачиваться сейчас, то пропалет значительная часть зимы. А именно так и обстоит дело. Только сейчас, например, намечается развертывание кружков.

Эта работа будет вестись методами необычными и весьма интересными. Вместо навязывания писателям проблем, часто случайных по тематике и составу кружков — выяснение волнующих писателей вопросов и организация небольших групп из людей близких творчески и лично. Но пока без активности, как раз и уйдет время. Тем более, что работу эту начинать без актива трудно, а актив при ДСП еще не создан.

Разумеется, это тесно связано — отсутствие актива и слабое развертывание работы, одно влечет за собой другое. Но у ДСП были возможности сколотить крепкий актив к нынешнему году. На собраниях партийных групп, где обсуждались планы писателей, активно выдвигались свои предположения и готовые помогать осуществлению их. Интерес к ДСП в кругах московских писателей весьма значителен, по руковоство ДСП не сумело полностью использовать этот интерес, и в этом, может быть, основная его ошибка.

Работа по организации писательского отряда — вовсе не работа второго плана. Это очень важная работа, что является хотя бы из высказываний А. М. Горького о иных сторонах литературного быта. Между тем она не ведется. И тут следует сказать со всей откровенностью, что в клубе просто пусто. Разумеется, здесь нельзя вставать на более чем странном пути, рекомендованный писателем Никифоровым в его выступлении. Тов. Никифоров требовал введения в писательском клубе карточной игры. Но организация спортивных кружков,

Дом писателей. Читальный зал.